

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.8>

UDC 903.5

LBC 63.48(2)

Submitted: 04.12.2023

Accepted: 29.03.2024

KURGANLESS CEMETERY OF THE SARMATIAN TIMES ON THE MALOE STOROZHEVOE HILLFORT IN THE MIDDLE DON BASIN¹

Yuriy D. Razuvaev

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Aleksandr N. Merkulov

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Sergey A. Nelyubov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yuliya A. Neretina

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. The paper publishes research results on five burials discovered at the smaller of the two hillforts of the Scythian era located near the village Storozhevoye 1st on the river Don. The results of their comprehensive archaeological and anthropological study characterize the little-studied kurganless tradition of the Sarmatian period in the forest-steppe Don region. Ethnical, cultural and chronological attribution of the complexes is based on the ritual and material analogies. The study of anthropological materials was carried out using standard methods. Reconstruction of the buried individuals diet was carried out based on the results of the ratio of stable isotopes of nitrogen and carbon ($\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$) in bone tissue collagen. The burials were located in the embankment of a shaft and contained the remains of four men (25–30, 25–35, 40–44 and 60+ years old), a teenager (14–19 years old) and a child (5–10 years old). Based on the ritual and a small inventory, they are identified as Sarmatian and dated within the 1st – early 2nd centuries. As a rule, the dead were placed in relatively shallow graves (about 0.4 m) on their backs in an extended position with their heads facing southeast. The two graves destroyed the earlier burials of the teenager and the child, whose skeletal remains were displaced. The burial of an older man stands out buried in a deeper grave (0.7 m) and with a set of objects (an iron dagger, a clay bowl with an iron knife and animal bones). A silver earring and a bone bead were buried with the two individuals. Traces of trauma and pathology on the bones were either absent or few in number (caries, abrasion and loss of teeth). The plant component (apparently millet) dominated the diet of the individuals, but meat and dairy foods occupied an important place as well. The burials apparently belonged to the inhabitants of a hillfort Bol'shoe Storozhevoe located nearby, the layers of which also contain materials from the Sarmatian era. They constituted a small burial ground associated with the lifestyle transformation of one of the semi-nomadic societies in the region.

Key words: Forest-steppe Don region, Sarmatian era, hillfort, kurganless cemetery, funeral rite, diet of individuals.

Citation. Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., Nelyubov S.A., Neretina Yu.A., 2024. Beskurgannyi mogil'nik sarmatskogo vremeni na Malom Storozhevom gorodishche v Srednem Podon'e [Kurganless Cemetery of the Sarmatian Times on the Maloe Storozhevoe Hillfort in the Middle Don Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 157-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.8>

**БЕСКУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
НА МАЛОМ СТОРОЖЕВОМ ГОРОДИЩЕ В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ¹****Юрий Дмитриевич Разуваев**

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Александр Николаевич Меркулов

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Сергей Алексеевич Нелюбов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Юлия Александровна Неретина

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Публикуются пять погребений, открытых на меньшем из двух городищ скифской эпохи, расположенных у с. Сторожевое 1-е на р. Дон. Результаты их комплексного археолого-антропологического исследования характеризуют малоизученную в лесостепном Подонье бескурганную похоронную традицию сарматского времени. Этнокультурная и хронологическая атрибуция комплексов основана на обрядовых и вещевых аналогиях. Исследование антропологических материалов проведено по стандартным методикам. Реконструкция пищевого рациона индивидов осуществлена по результатам соотношения стабильных изотопов азота и углерода ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) в коллагене костных тканей. Погребения размещались в насыпи вала и содержали останки четырех мужчин (25–30, 25–35, 40–44 и 60+ лет), подростка (14–19 лет) и ребенка (5–10 лет). По обряду и немногочисленному инвентарю они предположительно определены как сарматские и датированы в рамках I – начала II века. Как правило, умершие размещались в относительно неглубоких могилах (около 0,4 м), на спине в вытянутом положении, головой обращены на юго-восток. Две могилы разрушили более ранние погребения подростка и ребенка, чьи скелетированные останки оказались смещенными. Выделяется погребение старшего мужчины, похороненного в более глубокой могиле (0,7 м) и с набором предметов (железный кинжал, глиняная миска с железным ножом и костями животных). При двух индивидах находились серебряная серьга и костяная пронизь. Следы травм и патологий на костях либо отсутствовали, либо были немногочисленны (кариес, стертость и утрата зубов). В пищевом рационе индивидов преобладал растительный компонент (видимо, просо), но важное место занимала мясомолочная пища. Погребения, очевидно, принадлежали обитателям расположенного по соседству городища Большое Сторожевое, слои которого содержат и материалы сарматской эпохи. Они составляли небольшой могильник, появление которого, возможно, следует связывать с трансформацией образа жизни одного из полукочевых социумов региона.

Ключевые слова: Лесостепное Подонье, сарматская эпоха, городище, бескурганый могильник, похоронный обряд, пищевой рацион индивидов.

Цитирование. Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н., Нелюбов С. А., Неретина Ю. А., 2024. Бескурганый могильник сарматского времени на Малом Сторожевом городище в Среднем Подонье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 157–171. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.8>

Из двух городищ скифской эпохи, располагающихся на правом берегу Дона неподалеку от восточной окраины с. Сторожевое 1-е Острогожского р-на Воронежской обл., доминирует так называемое Большое. Оно имеет площадь около 70 000 кв. м и возвышается над рекой на 80 м. Севернее находится Малое городище, занимающее соседний мыс высотой

30 м (рис. 1, 1, 2). Его овальную площадку (9600 кв. м) с береговым плато соединяет узкий перешеек, со стороны которого располагается оборонительная линия длиной около 20 м и шириной 12 м, состоящая из едва заметных рва и вала. Малое городище изучалось экспедицией Воронежского государственного педагогического университета в

2019–2021 гг. (раскопано 348 кв. м). Судя по находкам, оно функционировало довольно не продолжительное время в рамках второй половины VI – начала V в. до н.э. и было уничтожено пожаром [Разуваев и др., 2021].

В насыпи городищенского вала в площади раскопов 1–3 обнаружены пять погребений более позднего – сарматского – времени. Их открытие само по себе примечательно. Погребальные древности начала нашей эры в донской лесостепи были представлены почти исключительно курганами, грунтовые захоронения единичны [Медведев, 2008]. Могильник, раскопанный недавно в г. Липецке, лишь предположительно считается бескурганым [Бирюков и др., 2022]. Поэтому комплексное археолого-антропологическое исследование серии не отмеченных курганными насыпями погребений позволяет охарактеризовать новый аспект культуры и оценить условия жизни одной из групп населения сарматского времени.

Погребения располагались вдоль гребня вала, в современном состоянии имевшего ширину около 6 м, высоту порядка 0,3 м (рис. 1,3,4). Насыпь, толщина которой от уровня материка превышала 0,7 м, была сложена преимущественно из темно-серого суглинки, включавшего комки красной глины и обожженной почвы.

Погребение 1 (рис. 2,1) размещалось на глубине 0,36–0,40 м от поверхности вала в яме, очертания которой не зафиксированы. Содержало останки двух человек.

Индивид 1 представлен почти полным скелетом (левая ступня отсутствовала, многие кости были раздавлены и смещены). Это мужчина 25–30 лет, захороненный вытянуто на спине и ориентированный головой на юго-восток. Руки располагались вдоль туловища.

На первом правом нижнем моляре зафиксирован кариес, на левой бедренной кости имелись погрызы землеройных животных.

Под черепом с правой стороны лежала серьга кольцевидной формы, изготовленная из перевитой металлической проволоки белого цвета (возможно, серебряной), к которой припаяны городок из зерни и отдельная горошинка (рис. 2,а).

Поверх костяка, слева, размещались разрозненные части скелета ребенка 5–10 лет: над грудной клеткой – фрагментированный

череп, а над тазом – кости таза и конечностей, большинство – в обломках. Несколько ребер и позвонков индивида 2 лежали возле правой кисти мужчины, а часть трубчатой кости – в районе его ступней.

Все наблюдаемые черепные швы открыты, эпифизы не приросли, как и все кости таза. Травм и патологий не обнаружено.

Погребение 2 (рис. 2,2) размещалось на уровне материка (немногим ниже 0,7 м от дневной поверхности), не углубляясь в него. Контуры могилы в плане не удалось проследить, но в профиле раскопа просматривались очертания узкой ямы, ширина которой составляла около 0,6 м. Заполнение составлял мешаный грунт, в целом аналогичный насыпи вала, но чуть более гумусированный.

Погребение содержало почти полный скелет мужчины возрастом старше 60 лет (реконструированная длина тела составляет 167–169 см), который лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на юго-восток. Руки располагались вдоль туловища, левая кисть находилась в паховой области. Ноги были скрещены в районе щиколоток. Относительно таза они оказались заметно смещены, очевидно, немного сползли по склону.

На костях зафиксированы возрастные изменения (повышенная пористость и краевые разрастания). Прослежены прижизненная утрата обоих третьих и левого первого моляра нижней челюсти, правого второго и третьего моляров верхней челюсти, кариес первого правого моляра нижней челюсти, а также второго и третьего левых моляров верхней челюсти. На лингвальной поверхности имелись незначительные отложения зубного камня.

У правого бедра погребенного лежал железный кинжал (рис. 2,2з). К сожалению, его форму определить не удалось, так как предмет сильно окислился и распался на множество фрагментов. Возле ступней стояла глиняная лепная миска, развалившаяся на несколько частей (рис. 2,в, 2,2в). В миске размещались железный нож (рис. 2,б, 2,2б) и две обломанные кости животного (рис. 2,2д).

Погребение 3 (рис. 3,1) находилось в могиле, имевшей ширину и глубину в 0,4 м, определенные по профилю раскопа.

Оно содержало скелет мужчины (?) возрастом 25–35 лет, который лежал вытянуто

на спине и был ориентирован головой на юго-восток. Руки захороненного лежали вдоль туловища, левая размещалась кистью на тазе. Кости сохранились не все и в большинстве своем оказались раздроблены вследствие вибраций грунта под вышерасположенной грунтовой дорогой.

Следов травм и болезней на сохранившихся костях не обнаружено. Первые моляры, резцы и клыки индивида были стерты до дентина.

Сопутствовавший инвентарь составляла костяная пронизь усечено-пирамидальной формы, найденная под правой тазовой костью (рис. 3,а, 3,1а).

Погребение 4 (рис. 3,2) размещалось встык с третьим на одном уровне. Принадлежало подростку неясного пола в возрасте от 14 до 19 лет, скелет которого сохранился не полностью. Практически все кости этого индивида были сдвинуты при совершении более позднего захоронения взрослого человека в погребении 3. Тем не менее, по костям определяется юго-восточная ориентировка подростка.

Следов травм и патологий на сохранившихся костях не обнаружено. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 (рис. 3,3) располагалось на глубине до 0,4 м от поверхности вала. Хорошо сохранившийся скелет мужчины 40–44 лет (реконструированная длина тела составляет 170–174 см) лежал вытянуто на спине, головой направлен на юго-восток. Руки располагались вдоль туловища, левая кисть была помещена на низ живота.

Кости обладали развитым мышечным рельефом. У индивида отмечена прижизненная утрата левых нижних премоляров и моляров, кариес на первом правом нижнем моляре. На верхней части диафиза левого бедра имеется выемка, свидетельствующая о зажившей травме (возможно, боевого характера).

Сопровождающих предметов не найдено.

Публикуемые погребения, содержавшие останки четырех мужчин, подростка и ребенка, составляли, несомненно, единую группу. Они располагались в две линии, примерно равноудалены друг от друга (на 1–1,5 м) и, очевидно, сооружались по определенной схеме. Похоже, что двое мужчин были целенаправ-

ленно похоронены в местах упокоения молодых сородичей, чьи скелетированные останки оказались перемещенными. Последнее обстоятельство, кстати сказать, показывает, что могильник функционировал достаточно продолжительное время. Надо полагать, других погребений на городище не было, поскольку вал раскопан практически полностью.

В целом обряд захоронений однороден. Четыре из пяти могил в современном состоянии имели глубину порядка 0,4 м, одна – около 0,7 м. Покойники укладывались на спину вытянуто, головой направлялись на юго-восток. У трех взрослых кисть левой руки размещалась в области паха. Самый пожилой мужчина был похоронен со скрещенными в голенях (связанными?) ногами. Именно его могила выделялась наибольшей глубиной, а еще наличием полноценного сопровождающего инвентаря: кинжала, миски с ножом и мясной пищей. При двух других индивидах находились лишь предметы личного убора: серьга и пронизь.

Для рассматриваемой группы из шести индивидов удалось выполнить биоархеологическую реконструкцию системы питания, основанную на результатах анализа соотношения стабильных изотопов азота и углерода $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ в образцах зубов и костной ткани.

Выделение коллагена из костной ткани проводилось в Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН в несколько этапов. Изначально фрагменты костной ткани промывались дистиллятом, затем высушивались. Далее образцы выдерживались в 1М растворе соляной кислоты (HCL) при температуре +3 С° до полной деминерализации, после промывались дистиллированной водой до нейтральных значений рН. Затем на протяжении 24 часов органический остаток переводился в растворимую форму при рН 2,5 (0,1М HCL) и температуре +65 С°. На следующем этапе полученный раствор отделялся от загрязнений путем центрифугирования. Очищенный коллаген был помещен в лиофильную сушку.

Аналитическая работа была выполнена на базе Центра коллективного пользования «Масс-спектрометрические исследования» Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Для определения показателей $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ был использован

масс-спектрометр Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS.

Результаты исследования представлены в таблице 1. Атомное соотношение углерода и азота (atom C/N) находится выше трех, что свидетельствует о хорошей сохранности коллагена. Значения $\delta^{15}\text{N}$ находятся в диапазоне от 9,51 до 12,09 ‰; значения $\delta^{13}\text{C}$ варьируют от -11,44 до -14,75 ‰ (рис. 4).

Следует отметить, что, хотя «разброс» около трех промилле является довольно значительным, полученные показатели все же следует считать однородными. Так, значения углерода более -18 ‰ свидетельствуют о преобладании в рационе исследуемой группы индивидов растений C-4 пути фотосинтеза (цикл Хэтча-Слэка) [Тукот, 2004]. В данном случае предполагается, что основным растительным компонентом диеты изучаемых людей было просо. Эта зерновая культура, будучи неприязательной к условиям выращивания, в древности получила широкое распространение [Пашкевич, 2000]. Значения более 10 ‰ принято связывать с высокобелковой диетой. Следовательно, мясомолочная пища также занимала важное место в рационе.

Благодаря хорошей сохранности костей черепа одному из авторов совместно с А.В. Расказовой (Институт этнологии и антропологии РАН) удалось реконструировать внешность мужчины из погребения 2 (рис. 5).

Этнокультурная атрибуция публикуемого небольшого могильника пока может быть предположительной. Обрядовые характеристики погребений, прежде всего второго из них, типичны для сарматских курганов лесостепного Подонья. Это и вытянутое положение, и юго-восточная ориентировка, и скрещенные (связанные?) в голенях ноги покойников [Медведев, 2008, с. 54–55]. По вещевым находкам, хотя и скудным, комплексы уверенно датируются тем же, что и курганы, временем: I – началом II в. н.э.

Серьга и миска имеют близкие аналогии в I Чертовицком могильнике этого времени, расположенном в низовьях р. Воронеж [Медведев, 2008, рис. 37,1, 48,6]. Похожая серьга происходит из крымского позднескифского могильника у с. Заветное [Дашевская, 1991, табл. 67,16]. Пронизь относится к I в. н.э. [Алексеева, 1982, с. 31, табл. 46,16].

Еще раз отметим, что в донской лесостепи известны только сарматские погребальные памятники начала н.э. В регионе, прежде всего в северной его части, распространены городища и селища этого времени [Медведев, 2008, с. 64–81]. Однако заведомо относящихся к ним захоронений до сих пор не найдено.

Местоположение неподалеку от края высокого речного берега характерно для сарматских могильников донской лесостепи. В случае с публикуемыми погребениями выглядит не вполне обычным использование насыпи древнего вала. Впрочем, и ранее части человеческого скелета были найдены в оборонительной насыпи начала н.э. на III Чертовицком городище [Медведев, 1998, с. 49]. На Подгоренском городище II–III вв. в одном из валов обнаружена сгоревшая деревянная конструкция с несколькими кальцинированными костями [Медведев, 1996, с. 118]. Наконец, на городище у с. Верхнее Казачье в насыпи вала скифской эпохи, наряду с более древними останками, было открыто захоронение, датированное по радиоуглероду второй половиной II в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. [Разуваев, Решетова, 2019, с. 56, 59].

Надо полагать, что выделяющееся на местности всхолмление отчасти заменяло надмогильную насыпь. Тем не менее, налицо отклонение от стандартной обрядности. Переход кочевников к бескурганному способу погребения связывают с процессом седентаризации [Федоров-Давыдов, 1966, с. 200]. В нашем случае есть основания видеть в похороненных людях обитателей расположенного рядом Большого Сторожевого городища. Дело в том, что культурные напластования этого хорошо укрепленного поселения, в основном относящиеся к скифоидной культуре и датирующиеся V–III вв. до н.э., также содержат керамику и отдельные вещи сарматского времени [Белая, Недиков, 2023, с. 17, 20; Медведев, 1990, с. 168–169]. Помимо того, на городищенской площадке открыты слабоуглубленные округлые постройки с характерной для начала н.э. сероглиняной посудой [Погорелов, 1988].

Следы пребывания сарматов отмечены и на ряде других городищ донской лесостепи [Медведев, 2000]. По меньшей мере, они могут отмечать места зимников – сезонных сто-

янок, которые являются неотъемлемым элементом любого кочевого хозяйства [Иванов, 2021, с. 285–286]. Здесь уместно отметить, что, исходя из доминирования юго-восточной ориентировки погребенных, именно к зимнему времени А.П. Медведев отнес появление большинства курганов I Чертовицкого могильника [Медведев, 2008, с. 55].

Исходя из сказанного, логично предположить, что во всхолмлении на возвышенном берегу Дона нашли упокоение представители сарматского этноса, видимо, какое-то время обитавшие либо на Большом Сторожевом городище, либо по соседству с ним. Нельзя исключать их проживания в оседло-земледельческой среде. Как сказано, рацион питания индивидов из могильника был основан на растительном компоненте, то есть включал продукты земледелия,

надо полагать, практиковавшегося на городище. Известно, что появление этой отрасли у кочевников приводит к существенному видоизменению скотоводческого хозяйства, ограничивая его подвижность [Симаков, 1978]. Трансформация жизненного уклада, несомненно, воздействовала и на мировоззренческие установки. Возможно, этому процессу и обязаны своим появлением публикуемые погребения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10087, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>.

The study was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10087, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Индивидуальные значения $\Delta \delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в образцах из погребений на Малом Сторожевом городище

Table 1. Individual values $\Delta \delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ in samples from burials on the Maloe Storozevoe hillfort

Погребение	Индивид	Кость	$\delta^{13}\text{C}$ vpdb	$\delta^{15}\text{N}$ air	%C	%N	mass C/N	atom C/N
1	1. Мужчина 25–30 лет	Верхний клык	-14,69	10,25	45,3	15,7	2,9	3,4
1	2. Ребенок 5–10 лет	Фрагмент свода черепа	-13,06	10,21	35,3	13,0	2,7	3,2
2	Мужчина старше 60 лет	Верхний правый резец 2	-14,28	10,94	43,7	15,7	2,8	3,3
3	Мужчина (?) 25–35 лет	Верхний резец 2	-14,75	12,09	36,9	13,2	2,8	3,3
4	Пол – ? 14–19 лет	Нижний правый премоляр 2	-11,44	9,51	30,0	11,0	2,7	3,2
5	Мужчина 40–44 лет	Верхний M2	-13,61	10,31	43,5	15,6	2,8	3,3

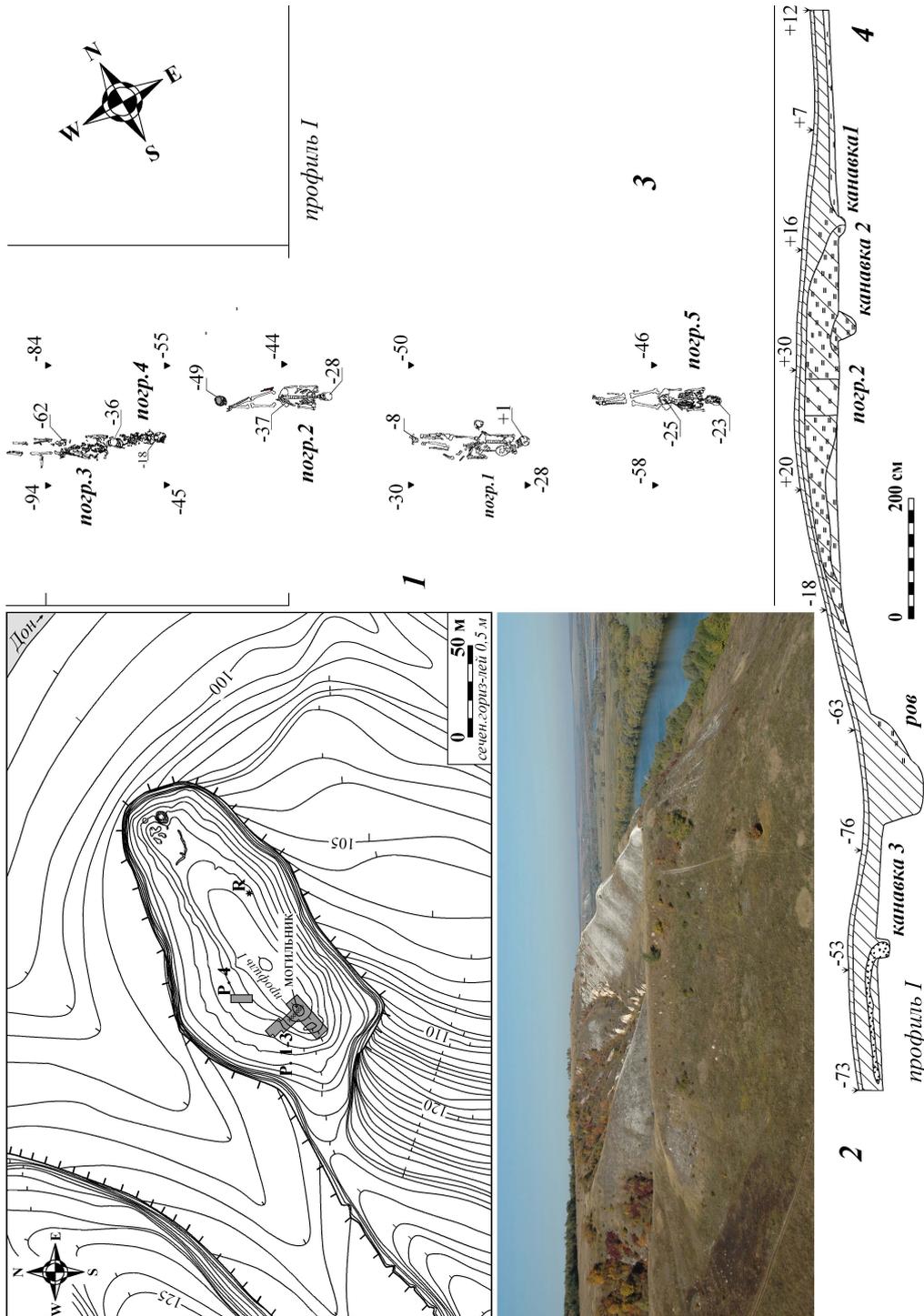

Рис. 1. Могильник на Малом Сторожевом городище:

1 – план городища; 2 – общий вид памятника с юго-востока; 3 – план могильника; 4 – профиль оборонительных сооружений

Fig. 1. Cemetery at the Maloe Storozevoe hillfort:

1 – plan of the hillfort; 2 – general view of the monument from the southeast; 3 – plan of the cemetery; 4 – profile of defensive structures

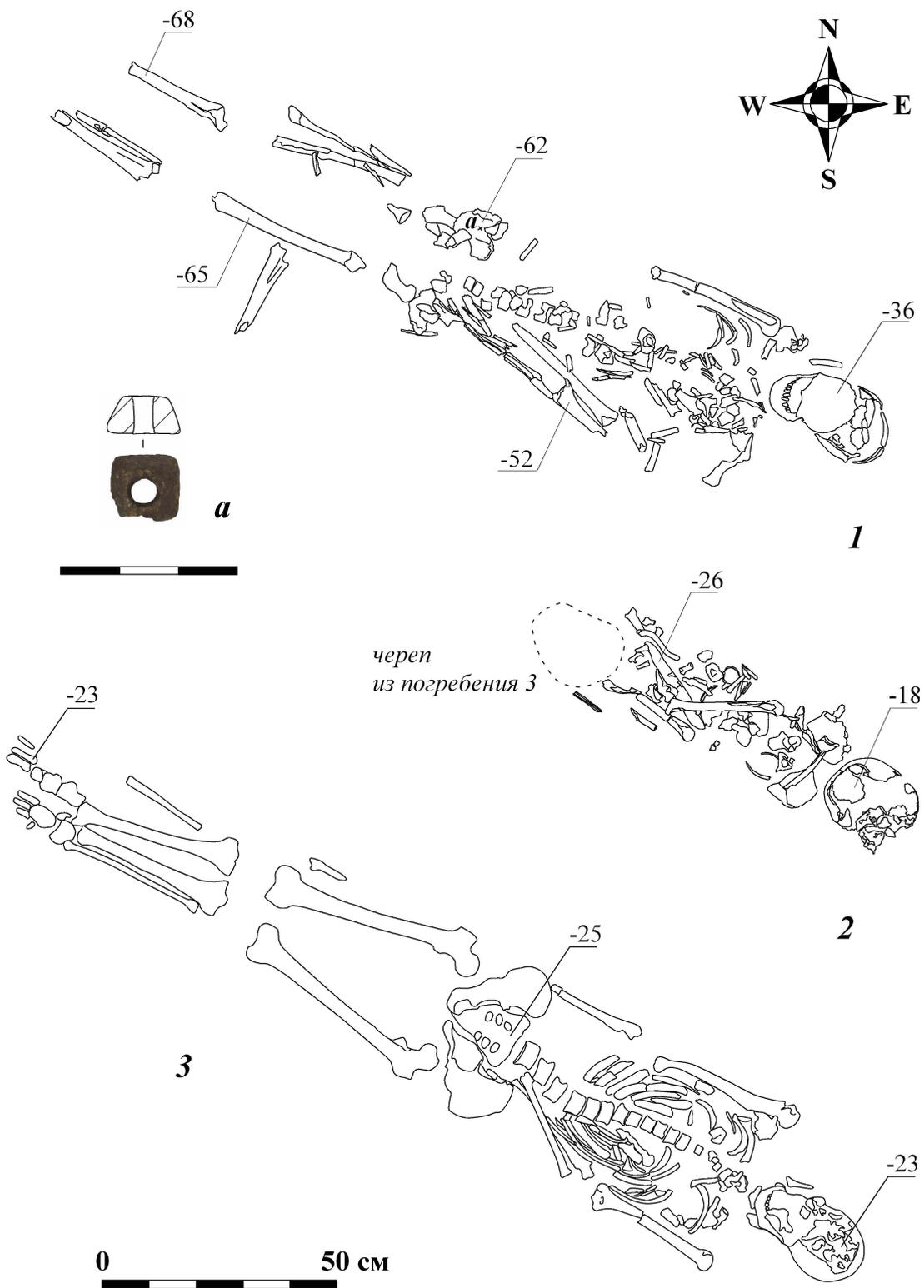

Рис. 3. Погребения 3, 4 и 5:

1 – план и инвентарь погребения 3: а – костяная пронизь; 2 – план погребения 4; 3 – план погребения 5

Fig. 3. Burials 3, 4 and 5:

1 – plan and inventory of the burial 1: a – bone bead; 2 – plan of burial 4; 3 – plan of burial 5

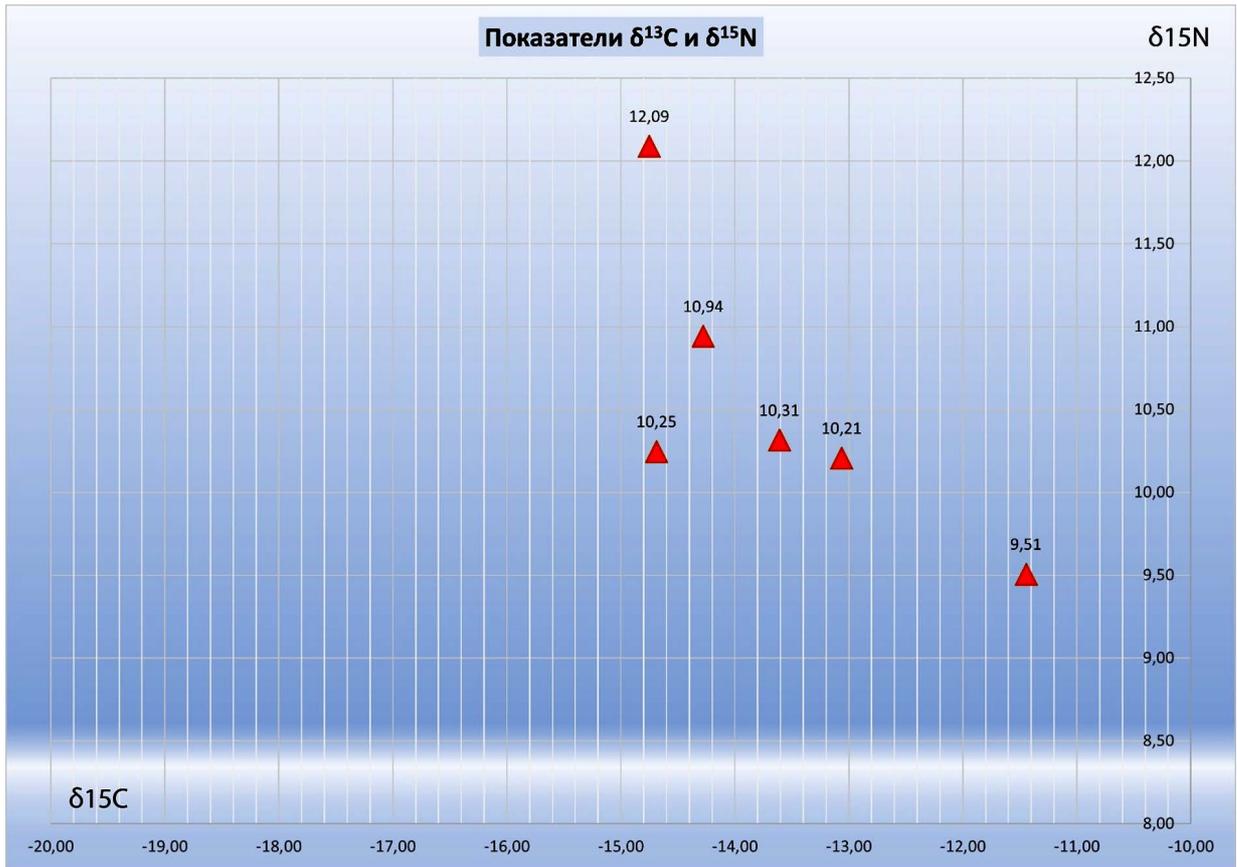

Рис. 4. Значения $\Delta \delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в образцах из погребений 1–5

Fig. 4. Values of $\Delta \delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ in samples from burials 1–5

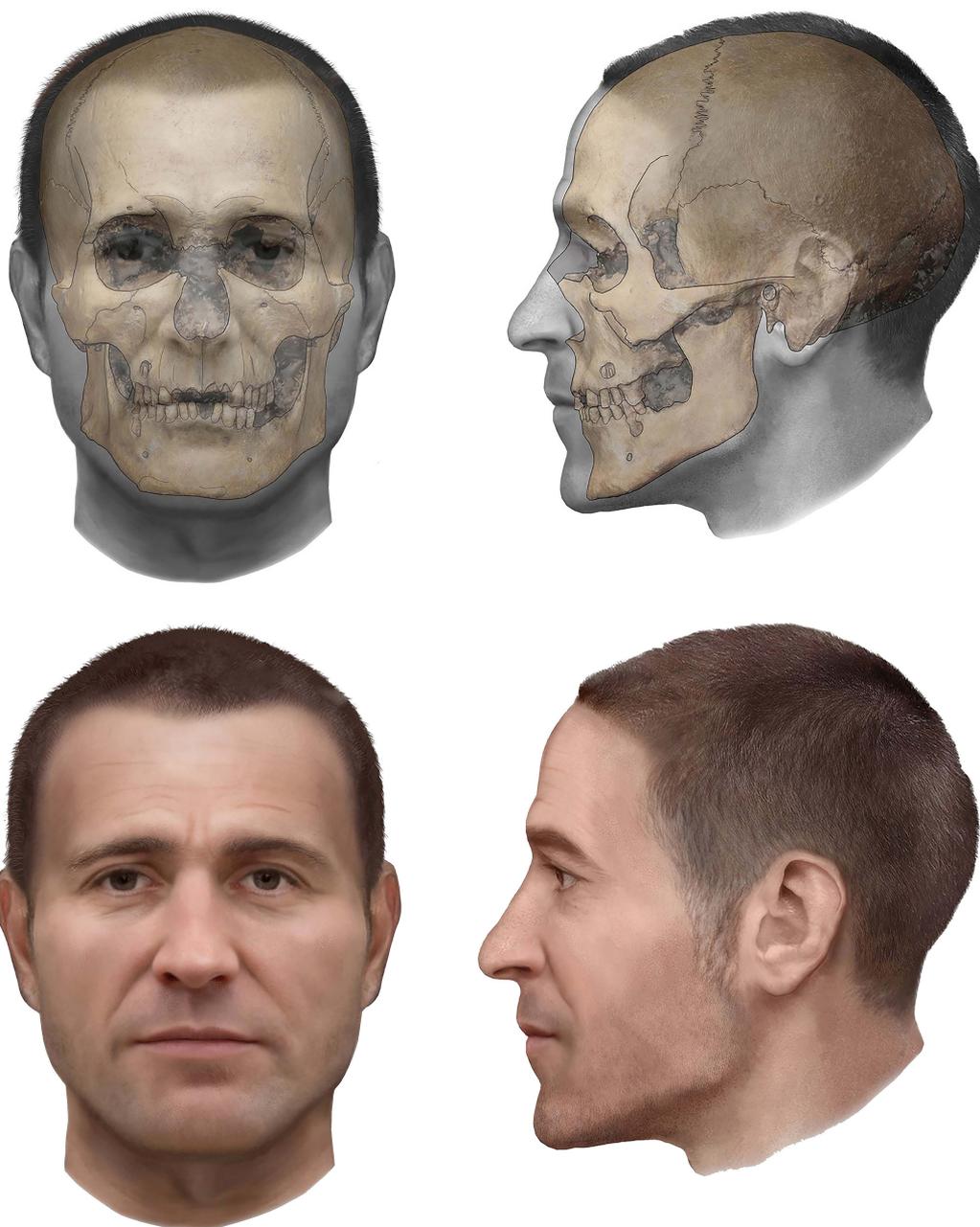

Рис. 5. Реконструкция внешнего облика индивида из погребения 2
Fig. 5. Reconstruction of the appearance of the individual from burial 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М. : Наука. 105 с.
- Белая Н. Н., Недиков В. Н., 2023. Некоторые итоги исследования городища Большое Сторожевое // Полвека в поисках древностей : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию археол. экспедиции Воронеж. гос. пед. ун-та. Воронеж : Изд-во ВГПУ. С. 12–21.
- Бирюков И. Е., Голышкин А. О., Клюкойть А. А., 2022. Сарматский могильник «Петровский проезд» в г. Липецке // Археологическое наследие. № 1 (5). С. 8–33.
- Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1-07. М. : Наука. 144 с.
- Иванов В. А., 2021. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы : понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. Т. 9, № 2. С. 272–295. DOI: <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295>
- Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж : Изд-во ВГУ. 220 с.
- Медведев А. П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк : ЛГПИ. С. 111–121.
- Медведев А. П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж : ВГУ. С. 42–84.
- Медведев А. П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-н/Д : Терра. С. 233–255.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 252 с.
- Пашкевич Г. А., 2000. Земледелие в степи и лесостепи восточной Европы в неолите – бронзовом веке (палео-этноботанические свидетельства) // Stratum plus. № 2. С. 404–418.
- Погорелов В. И., 1988. Отчет об археологических разведках и раскопках в Острогожском, Бутурлиновском и Павловском районах Воронежской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р1. № 12750.
- Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н., Неретина Ю. А., 2021. Результаты исследований Малого Сторожевого городища скифской эпохи // История : факты и символы. № 3 (28). С. 45–51. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-28-3-45-51>
- Разуваев Ю. Д., Решетова И. К., 2019. Погребения на многослойном городище у с. Верхнее Казачье близ г. Задонска // История : факты и символы. № 4 (21). С. 55–67. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-55-67>
- Симаков Г. Н., 1978. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. № 6. С. 19–26.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 274 с.
- Tykot R. H., 2004. Stable isotopes and diet : you are what you eat // Proceedings of the International School of Physics «Enrico Fermi». Course CLIV. Amsterdam : IOS Press. P. 433–444.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads from the Northern Black Sea Region]. Svod Arheologicheskikh Istochnikov, iss. Г1–12. Moscow, Nauka Publ. 105 p.
- Belaya N.N., Nedikov V.N., 2023. Nekotorye itogi issledovaniya gorodishcha Bol'shoe Storozhevoe [Some Results of the Research of the Hillfort of Bol'shoe Storozhevoe]. *Polveka v poiskah drevnostey: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 50-letiyu arheol. ekspeditsii Voronezh. gos. ped. un-ta* [Half a Century in Search of Antiquities. Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Archaeological Expedition of the Voronezh State Pedagogical University]. Voronezh, VSPU, pp. 12-21.
- Biryukov I.E., Golyshkin A.O., Klyukoyt A.A., 2022. Sarmatskiy mogil'nik «Petrovskiy proyezd» v g. Lipetske [The Sarmatian burial ground “Petrovsky passage” in Lipetsk]. *Arkheologicheskoye naslediyе* [Archaeological Heritage], no.1 (5), pp. 8-33.

- Dashevskaya O.D., 1991. *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in Crimea]. Svod Arheologicheskikh Istochnikov, iss. 41-07. Moscow, Nauka Publ. 144 p.
- Ivanov V.A., 2021. Sedentarizatsiya srednevekovykh kochevnikov Vostochnoy Evropy: ponimanie i proyavlenie [Sedentarization of the Medieval Nomads of Eastern Europe: Understandings and Manifestations]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 9, no. 2, pp. 272-295. DOI: <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295>
- Medvedev A.P., 1990. *Sarmaty i lesostep'* [Sarmatians and Forest-Steppe]. Voronezh, VSU. 220 p.
- Medvedev A.P., 1996. Podgorenskoye gorodishche na r. Voronezh [Podgorenskoye Hillfort on the River Voronezh]. *Arkheologicheskiye pamyatniki lesostepnogo Pridon'ya* [Archaeological Monuments of the Forest-Steppe Don River Region], iss. 1. Lipetsk, LSPU, pp. 111-121.
- Medvedev A.P., 1998. III Chertovitskoe gorodishche (materialy 1-oy poloviny I tys. n.e.) [III Chertovitskoe Hillfort (Materials of the 1st Half of the 1st Millennium AD)]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 12. Voronezh, VSU, pp. 42-84.
- Medvedev A.P., 2000. Arheologicheskie materialy o prisutstvii sarmatov na lesostepnykh gorodishchakh [Archaeological Materials on the Presence of Sarmatians in Forest-Steppe Hillforts]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbors on the Don], iss. 1. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 233-255.
- Medvedev A.P., 2008. *Sarmaty v verhov'yah Tanaisa* [Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais]. Moscow, Taus. 252 p.
- Pashkevich G.A., 2000. Zemledelie v stepi i lesostepi vostochnoy Evropy v neolite – bronzovom veke (paleoetnobotanicheskie svidetel'stva) [Agriculture in the Steppe and Forest-Steppe of Eastern Europe in the Neolithic – Bronze Age (Paleoethnobotanical Evidence)]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 404-418.
- Pogorelov V.I., 1988. Otchyot ob arheologicheskikh razvedkakh i raskopkakh v Ostrogozhskom, Buturlinovskom i Pavlovskom rayonah Voronezhskoy oblasti v 1988 g. [Report on Archaeological Exploration and Excavations in the Ostrogozhsky, Buturlinovsky and Pavlovsky Districts of the Voronezh Region in 1988]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 12750.
- Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., Neretina Yu.A., 2021. Rezul'taty issledovaniy Malogo Storozhevogo gorodishcha skifskoy epohi [Results of the Exploration of a Small Watch Fortress of the Scythian Era]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], no. 3 (28), pp. 45-51. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-28-3-45-51>
- Razuvaev Yu.D., Reshetova I.K., 2019. Pogrebeniya na mnogosloynnom gorodishche u s. Verhnee Kazach'e bliz g. Zadonska [Mortgages on Multilayered Ancient City Site near the Village Verhnee Kozachie near Zadonsk]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], no. 4 (21), pp. 55-67. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-55-67>
- Simakov G.N., 1978. Opyt tipologizatsii skotovodcheskogo hozyaystva u kirgizov (konets XIX – nachalo XX v.) [Experience of Typology of Cattle Breeding among the Kyrgyz (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 6, pp. 19-26.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh hanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 274 p.
- Tykot R.H., 2004. Stable Isotopes and Diet: You are What You Eat. *Proceedings of the International School of Physics «Enrico Fermi». Course CLIV*. Amsterdam, IOS Press, pp. 433-444.

Information About the Authors

Yuriy D. Razuvaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

Aleksandr N. Merkulov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, aleksandrmerkulov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>

Sergey A. Nelyubov, Senior Laboratory Assistant, Laboratory of Contextual Anthropology, Institute of Archeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, ser.nelubov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1533-2409>

Yuliya A. Neretina, Head of the Archaeological Museum named after Professor A. T. Sinyuk, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, virra_08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4011-489X>

Информация об авторах

Юрий Дмитриевич Разуваев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

Александр Николаевич Меркулов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, aleksandrmerkulov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>

Сергей Алексеевич Нелюбов, старший лаборант лаборатории контекстуальной антропологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, ser.nelubov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1533-2409>

Юлия Александровна Неретина, заведующий археологическим музеем им. проф. А.Т. Синюка, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, virra_08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4011-489X>